

ТРУДЫ

ДЕВЯТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ВИЛЬНѢ

1893

Подъ редакціей графини Уваровой и С. С. Слуцкаго.

Томъ II

Что такое древнее западно-русское нарѣчіе.

Е. Е. Карскій.

Если когда-либо, то особенно на археологическомъ съѣздѣ въ городѣ Вильнѣ умѣстно заняться разсмотрѣніемъ судьбы того языка, который въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій былъ органомъ умственной, нравственной и политической жизни народа въ великомъ княжествѣ литовскомъ; это разсмотрѣніе особенно умѣстно теперь, такъ какъ здѣсь собрана масса вещественныхъ данныхъ этого языка, а въ наукѣ подготовлено немало интересныхъ матеріаловъ, освѣщающихъ разныя его стороны. Еще нѣкоторыя постороннія побужденія заставляютъ заняться даннымъ вопросомъ: это — тѣ разнорѣчивыя мнѣнія, которыя нерѣдко приходится слышать и читать объ этомъ языкѣ.

Въ старыхъ памятникахъ это нарѣчіе обыкновенно называется „языкомъ русскимъ“; такъ, въ статутѣ 1588 года имѣется постановленіе, чтобы писарь земскій писалъ всѣ выписы и позвы русскимъ, а не другимъ языкомъ, при чемъ въ статутѣ этотъ языкъ характеризуется только „рускими литерами и словы“. Извѣстный переводчикъ библіи на западно-русское нарѣчіе, докторъ Францискъ Скорина, языкъ своихъ изданій называетъ русскимъ, противопоставляя ему языкъ словенскій. Свой переводъ св. Писанія называетъ „библія руска“, перевелъ онъ „всю библію рускаго языка“, о книгахъ переведенныхъ говоритъ: „мною на руській языкъ выложенныхъ“. Подобнымъ же образомъ называютъ западно-русское нарѣчіе и другіе старинные писатели. Переводчикъ евангелія на западно-русское нарѣчіе 1570 г. Василій Тяпинскій западно-русскій народъ и его языкъ называетъ „зацнымъ рускимъ“. Издатель Учительнаго Евангелія 1569 г. Григорій Александровичъ Ходкевичъ говоритъ: „Помыслилъ былъ есми, иже бы сію книгу, вырозумѣнія ради простыхъ людей, преложити на простую молву“. Въ одномъ изъ слѣдующихъ его изданій въ предисловіи прибавлено: „засъ пре незнаемость и неумѣтность языка словенского многихъ... знову преложеньемъ его на языкъ нашъ простой рускій якобы змертвыхъ воскрешонъ“.

Съ другой стороны западно-русскіе писатели иногда называютъ его также литовскимъ. Такъ, Лаврентій Зизаній слово „катехизисъ“ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „по-литовски оглашеніе“; или Памва Берында въ своемъ словарѣ (1653 г.) говоритъ: „пѣтель: чески и руски. Когуть. Волынски пѣвень. Литовски петухъ“

(Приводимъ по книгѣ П. В. Владимірова: Докторъ Фр. Скорина, стр. XII). Вслѣдствіе этого обстоятельства и многіе русскіе изслѣдователи начала нынѣшняго столѣтія и нѣкоторые изъ позднѣйшихъ, имѣя въ виду противопоставить этотъ языкъ литературному, иногда называютъ его литовско-русскимъ языкомъ. Такое имя даютъ ему, напр., Кешпенъ, архіепископъ Филаретъ, Сахаровъ, Каратаевъ.

Есть даже изслѣдователи, которые, видя въ западно-русскомъ нарѣчій присутствіе элементовъ польскаго языка, называютъ его русско-польскимъ языкомъ, а самыя крайніе изъ нихъ — даже нарѣчіемъ польскаго языка. Такъ, Штриттеръ, разсматривая языкъ Скорины, говоритъ: „сей переводъ російской библии нѣсколько подходитъ къ польскому языку“. (Владиміровъ: Докторъ Францискъ Скорина, стр. III). Его мысль раздѣлялъ и Гречъ. А этого послѣдняго повторилъ Линде, нѣсколько даже сильнѣе, выражаясь слѣдующимъ образомъ о западно-русскомъ языкѣ: „tak bardzo do polszczyzny zbliżony dyalekt“ (Владим. ib. X). Въ другомъ мѣстѣ (O statucie litewskim, ruskim jezykiem i drukiem wydanym wiadomość, przez M. Samuela Bogumila Linde. W Warszawie. 1816) тотъ же Линде доказываетъ, что западно-русское нарѣчіе ближе къ польскому, нежели къ русскому языку. Разсматривая лексическій составъ статута, онъ въ основу кладетъ польскій языкъ и русскія слова отмѣчаетъ лишь какъ заносныя. Такъ (на 17-й страницѣ) онъ говоритъ: „ieszcze tu nie iest koniec wszystkim słowom niepolskim, znajdującym się w Ruskim Statucie Litewskim“. За Линде послѣдовали другіе польскіе писатели, которые даже западно-русскую литературу отнесли къ польской; такъ поступилъ, напр., Вишневицкій (Historya literatury polskiej. Kraków. 1851. VIII), разсматривая въ исторіи польской литературы произведенія Скорины и въ языкѣ ихъ находя особую близость къ польскому. Нѣкоторые польскіе писатели: Ярошевицъ (Obraz Litwy, t. II. 133), Нарбутъ (Histor. Nar. Litowskiego, t. III, 262—263), Рогальскій (Wielka Encyklop. t. XXIV, 25), Чечотъ (Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwimy, niektóre przysłowia i idiotyzmy, w mowie Sławiano-krewickiej. Wilno. 1846) — находятъ очень удобнымъ западно-русское нарѣчіе называть кривичанскимъ или кривицкимъ.

Наконецъ, нѣкоторые ученые и писатели, какъ Бодянский (Владиміровъ: Докторъ Франциска Скорина, стр. XII), Головацкій (ib. XVII) называютъ этотъ языкъ крайне искусственнымъ и поэтому даже не находятъ возможнымъ дать ему какое-либо названіе. „Имъ никто никогда не говорилъ и не говоритъ... (такъ какъ онъ представляеть) самую отвратительную смѣсь, какую только можно себѣ представить и какая когда-либо существовала на Руси“ (Бодянский). То же говоритъ и Головацкій. Такъ, касаясь языка библии Скорины, онъ пишетъ: „то языкъ ни бѣлорусскій, ни великорусскій, ни малорусскій, а языкъ книжный искусственный, якимъ никто никогда не говорилъ и не говоритъ“ (ib. XVII). Впрочемъ, относительно языка грамотъ Головацкій выражается иначе: „языкъ грамотъ (XVI в.) чистый русскій, безъ малѣйшаго вліянія польскаго языка, который въ то время еще не употреблялся въ письменности“ (Труды VI археологическаго съѣзда, стр. 424). Въ послѣднее время за крайнюю искусственность этого языка высказался Первольфъ (Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, т. III, ч. II, въ разныхъ мѣстахъ). Наконецъ, вслѣдствіе пре-

обладанія въ этомъ нарѣчіи особенностей теперешнихъ бѣлорусскихъ говоровъ многіе ученые изслѣдователи называютъ его бѣлорусскимъ, какъ напр. Буслаевъ, Огоновскій, Житецкій, Соболевскій, Недешевъ, Владимировъ. Мы тоже склонны къ этому названію. Бѣлорусскимъ его называли отчасти и въ старину въ Москвѣ; такъ называетъ его и Крыжаничъ (Первольфъ: Славяне... т. III, ч. II, 161).

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію указанныхъ мнѣній, ознакомимся сначала съ особенностями какъ стараго западно-русскаго нарѣчія, такъ и современнаго бѣлорусскаго. Къ числу ихъ относятся:

1. Появленіе неслогового *у* (*ў*) на мѣстѣ *у* и *в*. Въ старинныхъ памятникахъ эта черта выражается въ смѣшеніи *у* и *в*. Это явленіе въ западно-русскихъ произведеніяхъ мы замѣчаемъ уже съ начала XIII вѣка, если только въ это время уже можетъ быть рѣчь о западно-русскихъ произведеніяхъ: въ договорѣ Смоленска съ Ригю 1229 г. читаемъ — *уздумаль*, *у* Ризѣ и т. п., въ Полоцкой грамотѣ около 1300 года: *у* Полотеско и т. д. Въ позднѣйшихъ западно-русскихъ произведеніяхъ явленіе *у* вмѣсто *в* и наоборотъ стало вполнѣ обычнымъ дѣломъ. Значительно позже встрѣчаются случаи замѣны *л*, стоящаго въ закрытыхъ слогахъ или передъ согласными, посредствомъ того же неслогового *ў*: лишь съ конца XV вѣка (въ Западно Русской Четѣ 1489 г. читаемъ: *невдовзѣ*, или въ грамотѣ 1497 г. [Археогр. Сборн. I, 3]: *Вовчкевичъ*) можно наблюсти это явленіе, и то спорадически. Но рассматриваемая нами примѣта западно-русскаго нарѣчія также рано замѣчается и въ памятникахъ другихъ нарѣчій русскаго языка, напр., новгородскихъ, галицко-волинскихъ.

2. Такою же чертою, замѣчаемою отчасти и въ другихъ старинныхъ памятникахъ, является твердое *р* вмѣсто основнаго мягкаго. Особенность эта въ западно-русскихъ памятникахъ наблюдается уже съ половины XIV вѣка, напр., въ грамотѣ 1340 г. короля Казимира читаемъ: *Дворыковичъ*, или въ грамотѣ 1395 г. (Акты изд. Виленской арх. комис. XIII, 4): *сентябра* и т. д. Но твердый *р* вмѣсто мягкаго изрѣдка встрѣчается и въ другихъ памятникахъ русскихъ (Соболевскій — Лекціи, ² 122) и даже церковно-славянскихъ. Изъ позднѣйшихъ нарѣчій русскаго языка, онъ однако утвердился только въ бѣлорусскомъ, гдѣ и распространился повсемѣстно, кромѣ самыхъ окраинныхъ, восточныхъ и южныхъ говоровъ.

3. Старому западно-русскому нарѣчію свойственна была группа *жч* (вѣроятно искусственное написаніе *ждж*) въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ современныхъ великорусскихъ говорахъ находимъ *жж*, а въ церковно-славянскомъ *жд*: дѣжчѣвнымъ Псалтирь 1262 г. (Соболевскій — Лекціи, ² 39), разьежчалъ Грамота 1398 г. (Акты, изд. Вил. арх. ком., т. XI. 3) и т. д. Въ позднѣйшихъ памятникахъ такихъ примѣровъ масса. Но *жч* встрѣчается также и въ галицко-волинскихъ памятникахъ, самыхъ древнихъ — XII в. (Соболевскій — Лекціи, ² 40); при томъ для характеристики современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ эта черта не можетъ считаться выдающеюся, такъ какъ *ждж* хотя и свойственно имъ, но встрѣчается въ незначительномъ количествѣ случаевъ; кромѣ того, группа *ждж* принадлежитъ также малорусскому нарѣчію и польскому языку.

4. Выдающаяся черта теперешняго бѣлорусскаго вокализма — *аканье*, принадлежащая ему вмѣстѣ съ южно-великорусскими говорами и доведенная въ немъ даже до крайнихъ предѣловъ, въ старинныхъ западно-русскихъ памятникахъ попадаетъ начиная лишь съ XIV вѣка, но и здѣсь достовѣрныхъ случаевъ встрѣчается вообще мало: Алкердь 1359 г. въ Смоленской грамотѣ, Анофрей 1399 г. въ Полоцкой грамотѣ; въ большемъ количествѣ примѣры аканья мы находимъ въ XV и особенно въ XVI вѣкѣ. Около этого же времени аканье появляется и въ южно-великорусскихъ говорахъ.

5. Вѣроятно раньше аканья бѣлорусское нарѣчіе развило проточный согласный $г = h$. Время появленія этого звука по памятникамъ точно опредѣлить довольно трудно въ виду отсутствія для него особаго знака. Очень можетъ быть, что малорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ онъ свойственъ искони, но доказать это вѣскими соображеніями довольно трудно. Несомнѣнно однако, что въ эпоху выдѣленія существенныхъ особенностей стараго западно-русскаго нарѣчія онъ уже существовалъ. Это видно изъ того, что для звука противоположнаго — для $г = g$ — въ немъ было придумано даже особое начертаніе *к*, которое по памятникамъ можно прослѣдить начиная съ XIV вѣка: Скирмайло 1387, буржмистру 1397 г. и др. (ср. наше сочиненіе: „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варшава. 1893.“ стр. 232—233).

6. Непосредственно отъ глубокой старины удерживается въ бѣлорусскихъ говорахъ, старыхъ и новыхъ, переходное смягченіе гортанныхъ передъ $e = n$ и отчасти передъ $e = e$ основному въ склоненіи и спряженіи. Эта черта бѣлорусскаго консонантизма принадлежитъ и малорусскому нарѣчію. Примѣры: *оу сороце лѣтъ Житіе Алексѣя XV в.*, *сѣмраце Скорина* и т. д.

7. Такою же старинной особенностью является удержаніе слоговъ *ый* — *ий* при теперешнихъ великорусскихъ *ой* — *ей*: *Сокрыи Скор.*, *осмыи* тамъ же, *днии* Познанская рук. XVI в. (Archiv für slav. Phil. IX) и т. д. Однако въ старинныхъ же западно-русскихъ памятникахъ не рѣдкость и слоги *ой* — *ей*, что отчасти въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдается и теперь: *жеребеи*, *Григореи*, *иней* и др. у Скорины.

8. Одною изъ выдающихся примѣтъ бѣлорусскихъ говоровъ, роднящую ихъ съ малорусскимъ нарѣчіемъ, является удвоеніе согласнаго звука, если ему приходится стоять передъ *j*. По памятникамъ собственно западно-русскимъ, это явленіе можно прослѣдить начиная съ XV вѣка: *Иллинич* изъ грамоты XV в., но въ копіи XVII вѣка; чѣмъ дальше, тѣмъ подобныхъ примѣровъ больше. Въ произведеніяхъ галицко-волинскихъ эта примѣта встрѣчается уже съ XIV в. (Соболевскій — Лекціи², 101).

9. Самая характерная черта теперешнихъ бѣлорусскихъ говоровъ, рѣзко выдѣляющая ихъ изъ среды другихъ нарѣчій русскаго языка — такъ называемое *дзеканье* и *цвяканье* — по памятникамъ можетъ быть прослѣжено лишь въ сравнительно позднее время: примѣры, встрѣчающіеся въ произведеніяхъ XV вѣка, легко могутъ быть объясняемы какъ полонизмы. Въ XVI вѣкѣ ихъ уже значительно больше, но вообще говоря, постановка *дз* и *ц* вмѣсто мягкихъ *д* и *т* дѣломъ обычнымъ не можетъ считаться. Причиной этого обстоятельства, несомнѣнно, служитъ стремленіе избѣгнуть необычныхъ начертаній *дз* и *ц*, составляющихъ особенность польскаго языка.

Въ XIV и XV вѣкахъ изрѣдка появляются и морфологическія особенности западно-русскихъ говоровъ; но онѣ, вообще говоря, мало характерны.

Вотъ въ общемъ главнѣйшія черты стараго западно-русскаго нарѣчія, но онѣ же, какъ можно было видѣть, являются характерными чертами и современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ. Обстоятельнѣе этого вопроса мы касались въ сочиненіяхъ „Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи.“ Москва. 1886 г. и „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи.“ Варшава. 1893 г.

Такъ постепенно появились особенности стараго западно-русскаго нарѣчія, ставшаго во время литовскаго господства языкомъ государственнымъ, поглотившимъ другіе говоры племенъ русскихъ славянъ, жившихъ по Западной Двинѣ, верхнему теченію Днѣпра и притокамъ его: Сожу и Припяти, а также по Нѣману. Такими племенами были: кривичи, радимичи и дреговичи. Изъ общихъ чертъ говоровъ этихъ племенъ и образовалось старое западно-русское нарѣчіе, родоначальникъ нынѣшнихъ бѣлорусскихъ говоровъ. Такимъ образомъ, восходя по отдѣльнымъ своимъ чертамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ первымъ письменнымъ произведеніямъ на русскомъ языкѣ, какъ особый организмъ оно возникло въ эпоху литовскаго владычества, преимущественно въ XIV—XV столѣтіяхъ; особенной же крѣпости достигло, какъ увидимъ, въ XVI вѣкѣ. Менѣе значительныя особенности отдѣльныхъ говоровъ, поглощенныхъ западно-русскимъ нарѣчіемъ, какъ взаимная мѣна ч и ц, своеобразная огласовка безударныхъ гласныхъ и т. п. мелочи удержались въ разныхъ окраинахъ даже до сихъ поръ лишь какъ мѣстныя различія. Гранича съ юга съ малорусскими говорами, съ востока и сѣвера съ великорусскими, а съ запада съ польскимъ и отчасти съ литовскимъ языкомъ, старое западно-русское нарѣчіе, какъ и теперешніе бѣлорусскіе говоры, иногда воспринимало въ себя особенности сосѣдей, которыя въ той или другой степени и распространялись по окраинамъ. По древнимъ актамъ даже можно прослѣдить, въ какую сторону шло это движеніе. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь уже слышится малорусская рѣчь, въ XVI вѣкѣ еще пишутъ акты на чистомъ западно-русскомъ нарѣчій; наоборотъ, на сѣверѣ, гдѣ теперь господствуетъ бѣлорусская рѣчь, въ старинныхъ актахъ находимъ особенности не чисто бѣлорусскія. Такъ въ актахъ полоцкихъ, витебскихъ и смоленскихъ господствуетъ рѣчь съ отличіями полоцко-смоленскаго говора, а въ Подляшѣ (нынѣшней Сѣдлецкой и отчасти Гродненской губерніяхъ) теперь говорятъ на малорусскомъ разнорѣчій, однако въ актовомъ языкѣ этой мѣстности не замѣтно существенныхъ особенностей малорусскаго нарѣчія. „Даже въ лексическомъ отношеніи находимъ слова вовсе неупотребительныя въ нынѣшнемъ указанномъ жаргонѣ: напр. сознанье, созналъ, переписыванье, гридня, горница, клѣть, погребъ...“ (Головацкій: черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшѣ. Вильна. 1888, стр. 33). — Такимъ путемъ постепенно образовались переходные говоры — отъ западно-русскихъ (какъ заблудовскій, полѣсскій) къ малорусскимъ и къ южно-великорусскимъ (говоры юговосточной части Могилевской губерніи, Смоленской и отчасти Тверской). На сѣверѣ бѣлорусскіе говоры постепенно сливаются съ псковскими и новгородскими, теряясь далѣе на западѣ среди литовцевъ и поляковъ. Исслѣдователю западно-русскаго нарѣчія нельзя пройти молчаніемъ и этихъ переходныхъ говоровъ; стоитъ лишь всегда выдѣлять собственно западно-русское отъ пришлаго.

Мы видѣли, какія начала легли въ основу стараго западно-русскаго нарѣчія: именно, оно приняло въ себя всѣ черты, характеризующія общерусскій языкъ, да еще особенности, принадлежащія исключительно мѣстнымъ народнымъ говорамъ. Когда оно стало языкомъ литературы, въ него обильнымъ потокомъ вошли еще, съ одной стороны, стихія церковно-славянская книжная, а съ другой — при посредствѣ рѣчи образованнаго общества современемъ проникъ языкъ польскій; вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ нарѣчіе книжное западно-русское, какъ и всякій языкъ литературы, стало въ бѣльшей или меньшей степени искусственнымъ.

Остановимся нѣсколько обстоятельнѣе на значеніи западно-русскаго нарѣчія въ Литовскомъ государствѣ. На долю западно-русскаго нарѣчія выпала въ свое время завидная для другихъ русскихъ нарѣчій роль быть языкомъ государственнымъ, органомъ умственной, нравственной и политической жизни цѣлаго народа. Когда Литва покорила сосѣднія русскія области и вслѣдъ затѣмъ въ умственномъ отношеніи сама добровольно подчинилась побѣжденнымъ, старое западно-русское нарѣчіе стало языкомъ государственнымъ не только въ восточныхъ областяхъ, но и вообще въ Литвѣ. На немъ пишутся княжескія грамоты, всякаго рода официальные и частные акты. На немъ говорятъ и пишутъ Ягайло, Витовтъ и послѣдующіе Ягайловичи вплоть до Сигизмунда Августа (ср. А. Будиловича: Общеславянскій языкъ, т. II, стр. 224; Первольфъ: Славяне, т. III, ч. II, стр. 165, 1 выноска). Мы уже говорили, что такая роль русскаго языка въ Литовскомъ государствѣ была закрѣплена даже законодательнымъ путемъ. Въ Литовскомъ статутѣ 1588 г. (стр. 122) читаемъ: „писаръ земскіи маєт порѣскѣ литерами и словы рѣскими вси листы, выписы и позовы писати, анейшимъ езыкомъ и словы“. Такое положеніе статута строго соблюдалось до 1696 г., когда сеймовымъ постановленіемъ русскій языкъ въ судебно-административной практикѣ былъ замѣненъ польскимъ: „Pisarz powinien po-Polsku, a nie po-Rusku pisac“ (Vol. leg. изданіе Огрызки, С.-Пб. 1860 г., т. V, f. 863, 418). Такое официальное признаніе русскаго языка государственнымъ было первымъ обстоятельствомъ, содѣйствовавшимъ развитію западно-русскаго нарѣчія. Но были и другія не менѣ важныя причины. Ставъ государственнымъ языкомъ, западно-русское нарѣчіе по необходимости сдѣлалось разговорной рѣчью высшаго общества, а это послѣднее, состоявши на первыхъ порахъ исключительно изъ русскихъ и литовцевъ, впоследствии, особенно съ XVI вѣка, приняло въ себя обильный притокъ польской шляхты, говорившей по-польски; вслѣдствіе этого и въ западно-русское нарѣчіе начинаютъ входить элементы польскаго языка, къ счастью для перваго — почти исключительно въ лексическомъ отношеніи (ср. Будиловичъ: Общеславянскій языкъ, II, 227—231, гдѣ приведены примѣры полонизмовъ; а также Первольфа: Славяне, III, ч. II, 221, 223, 224, 232 и др., а также въ разныхъ мѣстахъ у насъ: „Къ исторіи...“). Такимъ образомъ западно-русское нарѣчіе еще больше обособляется отъ восточно-русскаго языка, господствовавшаго въ московской письменности. Это обстоятельство имѣло различныя послѣдствія. Принявъ въ себя много элементовъ польскаго языка и сдѣлавшись вслѣдствіе этого еще болѣе искусственнымъ и уродливымъ, западно-русское нарѣчіе стало на пути постепеннаго его вытѣсненія польскимъ языкомъ. Дѣйствительно, высшее общество, начиная съ XVII вѣка и даже

раньше, уже большею частью и употребляетъ польскую рѣчь, относясь къ языку „прирожденному“ русскому даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ одинъ изъ тогдашнихъ патріотовъ: „кто бы не мусиль плакати, видечи такъ великихъ княжатъ. такихъ пановъ знатныхъ. такъ мног(о) детокъ невинныхъ мужовъ зжонами втакомъ зацномъ рускомъ аздаца передъ тымъ довестиномъ оучономъ народомъ. езыка своего славнаго занедбане, а просто възгардоу. скоторое запокоранемъ панскимъ... (на нихъ)... такаа оплаканаа неуметность пришла, же вжо некоторые и писмомъ своимъ. аздаца вслове бжемъ встыдаютъ. А наостанокъ што можетъ быти жалоснейшаа... ижъ тые што се межъ нами зовутъ дѣловными, нучители, ... вполскіе або винные писма... дети заправуютъ“ (Предисловіе къ евангелію Тяпинскаго около 1570 г.). То же читаемъ и въ окружномъ посланіи 1592 г. (Акты Западной Россіи, т. IV, § 32): „Ученіе св. писаній зѣло оскудѣ, пачеже словенскаго російскаго языка, — вси человѣци приложишася простому несовершенному людскому писанію, сего ради въ различныя ереси впадоша, невѣдуще въ богословіи силы совершеннаго граматическаго словенскаго языка“. Но средній классъ и низшій не зналъ польскаго языка и поэтому старался поддерживать родное западно-русское нарѣчіе внесеніемъ въ него элементовъ чисто народнаго языка. Этому стремленію содѣйствовали еще нѣкоторыя постороннія обстоятельства, выдвинутыя временемъ. Таково было появленіе реформаціоннаго движенія въ Литвѣ и связанное съ нимъ зарожденіе разныхъ религіозныхъ сектъ, которыя, стремясь распространить свое ученіе среди народныхъ массъ, естественно избрали орудіемъ пропаганды языкъ простаго народа. Поэтому на народномъ западно-русскомъ языкѣ появляются переводы книгъ св. Писанія и богослужебныхъ, а также разныхъ догматическихъ сочиненій. Все это содѣйствуетъ обработкѣ и усиленію западно-русскаго нарѣчія. И не одни только сектанты предпринимаютъ изданія на народномъ языкѣ, къ этому стремятся и истинные христіане, движимые любовью къ простому народу, желаніемъ помочь ему уразумѣть священное Писаніе и богослуженіе. Они переводятъ и издають книги „къ наученію простыхъ людей русскаго языка“ (Скорина), „вырозумѣнія ради простыхъ людей“ (Учительное Евангеліе 1596 г.) и т. п. Это и естественно. Церковно-славянскій языкъ для простаго народа, а также для многихъ лицъ „ученыхъ и богобойныхъ“, слышавшихъ въ устахъ высшаго класса общества рѣчь полонизованную, становится въ Западной Руси малопонятнымъ; поэтому переводы св. Писанія на народный языкъ уже съ самаго начала подпаденія западно-русскихъ областей подъ власть Литвы распространяются въ изобиліи и читаются не только простымъ народомъ, но даже духовенствомъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ переводчикъ одного Евангелія: „языка словенскаго читаючи, писмомъ рускимъ выкладу 3 словъ его не розумѣють“, вслѣдствіе этого и является необходимость въ переводахъ „на рѣчь русскую писма нашего“ (Предисловіе Валентина Негалевскаго къ переводу Евангелія 1581 года). Благодаря этимъ усиліямъ средняго и низшаго классовъ общества, а также вслѣдствіе природной живучести русскаго языка, удалось спасти его въ Западной Руси отъ поглощенія польскимъ языкомъ. — Въ нѣкоторыхъ памятникахъ западно-русскаго нарѣчія сказывается еще стихія чешская, какъ на примѣръ, въ изданіяхъ Скорины; что вполне и естественно, если имѣть въ виду его пособія, главнѣйшимъ изъ которыхъ была чешская

библія 1506 года, и мѣсто изданія его сочиненій (чешская Прага). Но нѣкоторые изслѣдователи западно-русскаго нарѣчія (какъ Головацкій: Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ... стр. 41 и слѣд.), мнѣ кажется, нѣсколько преувеличиваютъ это вліяніе: видятъ его и въ западно-русскихъ грамотахъ и актахъ. Интересно въ этомъ случаѣ соображеніе (W. A. Maciejowski: Pamiętniki o dziejach, piśmienictwie i prawodactwie Słowian, т. I, стр. 349) о томъ, что Ягайло, сдѣлавшись польскимъ королемъ, сталъ говорить по-чешски, такъ какъ по-польски не умѣлъ (дѣлаемъ эту ссылку по брошюрѣ Козловскаго: Судьбы русскаго языка въ Литвѣ и на Жмуди. Вильна. 1870 г. Оттискъ изъ Вѣстника Зап. Россіи; ср. еще Будиловича: Общеславянскій языкъ, т. II, 200 стр.). — Когда съ перенесеніемъ центра западной образованности изъ Вильны въ Кіевъ, при Петрѣ Могилѣ, литературный языкъ принялъ въ себя элементы малорусскаго нарѣчія, онъ сталъ до того силенъ, что могъ служить даже органомъ зарождающейся высшей образованности. Но это было уже не западно-русское нарѣчіе; это былъ языкъ, достигшій крайнихъ предѣловъ искусственности: кромѣ элементовъ малорусской рѣчи, въ него вошелъ еще новый притокъ польскихъ словъ, вслѣдствіе того, что защитники православія эпохи Уніи, желая дать возможно большее распространеніе своимъ произведеніямъ, обыкновенно писали ихъ на польскомъ языкѣ, а затѣмъ по привычкѣ вносили польскіе обороты и слова и въ славяно-русскую рѣчь. Въ это же время, благодаря развитію образованности на западѣ и югѣ Россіи, является стремленіе усилить церковнославянскій элементъ въ литературномъ языкѣ. Разныя формы и обороты, иногда созданные по образцу западно-русскихъ, уже канонизируются грамматиками, напр. книгой Мелетія Смотрицкаго, вышедшей въ Евѣ 1619 года, которая стремится установить точныя рамки для языка литературнаго. Ставъ до такой степени искусственнымъ, литературный западно-русскій языкъ представлялъ уже очень мало ручательствъ за возможность своего дальнѣйшаго существованія. Церковно-славянскій элементъ, нѣсколько обновившій его въ послѣднее время, началъ очищать его отъ польской примѣси и въ то же время сближать его съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ, чѣмъ еще больше подрывалъ его самостоятельное существованіе. Естественная гибель западно-русскаго языка была еще ускорена и политическими событіями. Присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ усилило общеніе юго-западной образованности съ сѣверовосточной, въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ снова связало югъ съ сѣверомъ; и хотя югозападные ученые и ихъ образованность появились въ Москвѣ и привнесли нѣкоторую долю вліянія и въ русскій языкъ Московскаго государства, однако не могли ничего противопоставить сильному, благозвучному московскому языку. Такимъ образомъ западно-русскій литературный языкъ, очистившись отъ полонизмовъ, въ концѣ концовъ вполне сливается съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ. Мѣстныя особенности остаются лишь въ устахъ простаго народа. Таковы особенности и такова судьба стараго западно-русскаго нарѣчія. Болѣе подробно объ этомъ въ нашей работѣ: „Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Вильна. 1893“.

Подведемъ теперь итоги всему сказанному:

1. Старое западно-русское нарѣчіе имѣетъ особыя, характерныя черты, которыя выдѣляютъ его какъ самостоятельный организмъ.

2. Эти черты не случайны, а совпадают съ особенностями бѣлорусскаго нарѣчія, легшаго въ основу западно-русскаго языка.

3. Особенности бѣлорусскаго нарѣчія по своей древности почти не уступаютъ другимъ нарѣчіямъ; въ общемъ же онѣ не моложе XV вѣка.

4. Въ XIV — XV вѣкахъ западно-русское нарѣчіе было чище, нежели въ XVI — XVII столѣтіяхъ, когда оно приняло въ себя массу полонизмовъ и другихъ чуждыхъ наростовъ.

5. Однако и въ эту послѣднюю эпоху постороннія стихіи не сдѣлали западно-русскаго нарѣчія до такой степени искусственнымъ чтобы, лишить его всякой индивидуальности.

6. Полонизмы принадлежатъ болѣе лексической его сторонѣ и только отчасти звукамъ и формамъ. Въ этомъ отношеніи книжное западно-русское нарѣчіе отличается отъ русскаго литературнаго языка того времени, въ которомъ сильно сказывается церковно-славянское вліяніе, однако не только въ лексическомъ отношеніи, но также звукахъ и формахъ.

7. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ изученіе стараго западно-русскаго нарѣчія такъ же интересно для исторіи русскаго языка, какъ и восточно-русскаго языка.

Спрашивается послѣ этого — какъ же удобнѣе назвать старое западно-русское нарѣчіе? Называть его „языкомъ русскимъ“, безъ всякой прибавки, не удобно потому, что этимъ словомъ мы обозначаемъ лишь общее понятіе — единаго русскаго языка, подраздѣляя его на нарѣчія. Не подходитъ и названіе „языкъ литовскій“, такъ какъ съ понятіемъ литовскаго языка у насъ соединяется совершенно другое представленіе: можно бы подумать, что бѣлорусское нарѣчіе восприняло элементы литовскаго языка, чего съ нимъ въ дѣйствительности не произошло. Даже въ лексическомъ отношеніи литовскій языкъ не оказалъ на него почти никакого вліянія. Не можетъ быть рѣчи и о названіи его нарѣчіемъ польскаго языка, такъ какъ оно лишено тѣхъ чертъ, которыя выдѣляютъ польскій языкъ изъ другихъ славянскихъ языковъ. Лексическія заимствованія еще не придаютъ ему чертъ того языка, откуда они пришли: послѣднія опредѣляются исключительно звуками и формами. — По нашему мнѣнію, старое западно-русское нарѣчіе, будучи разговорнымъ въ устахъ образованнаго общества, постоянно опиралось на языкъ простаго народа мѣстнаго бѣлорусскаго племени. Вслѣдствіе указаннаго обстоятельства, по преобладанію въ немъ элементовъ бѣлорусской рѣчи, и называть его слѣдуетъ бѣлорусскимъ языкомъ, прибавляя развѣ для отличія отъ современнаго бѣлорусскаго нарѣчія названіе стараго. Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ его называютъ Буслаевъ, Огоновскій, Житецкій, Соболевскій, Недешевъ, Владимировъ и др. новѣйшіе изслѣдователи.

